

Научная статья
УДК 94(47).084.8
DOI: 10.47438/2309-7078_2026_1_203

СПЕЦПРОПАГАНДА В ОБОРОНЕ И НАСТУПЛЕНИИ: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИТУПРАВЛЕНИЯ СТАЛИНГРАДСКОГО И ЮЖНОГО ФРОНТОВ ПО РАЗЛОЖЕНИЮ ВОЙСК ПРОТИВНИКА, ОКТЯБРЬ 1942 – ФЕВРАЛЬ 1943 г.

Владислав Александрович Кононов¹

*Воронежский государственный педагогический университет¹
Воронеж, Россия*

¹*Кандидат исторических наук, соискатель кафедры истории России,
тел.: (473) 255-06-67; e-mail: vspihist@rambler.ru*

Аннотация. В статье на основе документов Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации исследована деятельность органов специальной пропаганды Сталинградского фронта, впоследствии переименованного в Южный, в течение октября 1942 – февраля 1943 г. Изучены содержание, формы и средства пропаганды, направленной на войска противника в следовавшие друг за другом периоды обороны, контрнаступления и наступления войск фронта. Установлено, что работа органов спецпропаганды во время Сталинградской битвы и Ростовской наступательной операции при сравнительной немногочисленности штатов 7-го отдела политуправления Сталинградского и Южного фронтов и армейских политических отделений была эффективной и значимой.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Сталинградский фронт, Южный фронт, пропаганда, войска противника.

Для цитирования: Кононов В.А. Спецпропаганда в обороне и наступлении: деятельность политуправления Сталинградского и Южного фронтов по разложению войск противника, октябрь 1942 – февраль 1943 г. // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2026. № 1. С. 203–211. DOI: 10.47438/2309-7078_2026_1_203.

Введение

Сталинградский фронт 2-го формирования был создан 30 сентября 1942 г. путем переименования Сталинградского фронта 1-го формирования в Донской, а Юго-Восточного – в Сталинградский (2-го формирования). Командовать новообразованным фронтом был назначен бывший командующий Юго-Восточным фронтом генерал-полковник А.И. Еременко; в состав объединения вошли 28-я, 51-я, 57-я, 62-я и 64-я армии. Просуществовал этот фронт сравнительно недолго: 1 января 1943 г. Сталинградский фронт 2-го формирования был переименован в Южный (тоже 2-го формирования), командующим снова назначили генерал-полковника А.И. Еременко (с 2 февраля 1943 г. его сменил генерал-лейтенант, а с 12 февраля 1943 г. генерал-полковник Р.Я. Малиновский). В состав фронта были включены 51-я, 28-

я, 2-я гвардейская, а вскоре и 5-я ударная армии (и 8-я воздушная армия). За период с 1 октября 1942 г. по 20 февраля 1943 г. Сталинградский, а затем Южный фронт последовательно успел принять участие в обороне (Сталинградская стратегическая оборонительная операция), контрнаступлении (операция «Уран»), снова в обороне (Котельниковская операция) и, наконец, в наступлении (Ростовская операция). И на всех этапах свой вклад в дело борьбы с врагом вносило фронтовое политуправление (начальник – бригадный комиссар, с 6 декабря 1942 г. – генерал-майор П.И. Доронин, с 8 февраля 1943 г. – генерал-майор М.М. Пронин) и его 7-й отдел, занимающийся пропагандой, направленной на войска противника, во главе с полковником С.И. Тюльпановым [1, л. 17; 2, с. 8; 3, с. 403, 476–477; 4].

Результаты

В течение октября – первой половины ноября 1942 г., когда в Сталинграде шли кровавые уличные бои, командование и политические органы Сталинградского фронта готовились к предстоящему переходу в контрнаступление. Согласно плану фронтовой наступательной операции, предполагалось «последовательно разгромить противостоящего противника перед фронтом 57-й и 51-й армии, а в дальнейшем непосредственно Сталинградскую группировку противника» [5, л. 12]. Перед указанными армиями Сталинградского фронта (51-й армией командовал генерал-майор Н.И. Труфанов, 57-й – генерал-майор Ф.И. Толбухин) занимали позиции румынские войска 6-го армейского корпуса 4-й румынской армии корпусного генерала К. Константинеску, подкрепленные 29-й моторизованной дивизией немецкой 4-й танковой армии под командованием генерал-полковника Г. Гота. Требовалось, помимо чисто военной подготовки, политическое обеспечение наступательной операции на основе сосредоточения работы по разложению войск противника на направлении главного удара. Основной задачей политических органов Сталинградского фронта в этот период было найти слабое звено неприятельской армии и сосредоточить на нем все усилия. По воспоминаниям А.И. Еременко, таким слабым звеном являлись румынские части: «Подавляющее большинство румын, не только солдат, но и офицеров, не понимало целей, за которые они вынуждены были проливать кровь, а зачастую и расставаться с жизнью. Кроме этой основной причины, было и много других, серьезно ослаблявших боеспособность румынских войск. Зачастую они были вооружены устаревшим оружием, ощущали нехватку в боеприпасах, плохо снабжались другими видами довольствия» [6, с. 328, 343]. В свою очередь, начальник немецкого штаба связи при 4-й румынской армии Г. Дёрр писал, что «румынскими дивизиям были отведены полосы, ширина которых по фронту была равна ширине фронта, принятой для дивизии в германской армии. Следует учесть, что румынские войска не были подготовлены для смелого ведения боя в боевых порядках, присутствующих германской армии; они прошли подготовку в духе французской тактики, предусматривавшей большую степень безопасности, что отвечало национальному духу румынского народа... Следствием явилось то, что войска с самого начала чувствовали себя неуверенно и слабее противника, так как они знали о своей неспособности отразить атаки танков» [7, с. 64]. В силу указанных причин именно на румынских дивизиях (20-й, 2-й, 18-й и 4-й) были сосредоточены усилия специалистов 7-го отдела политуправления Сталинского фронта.

На первое место была поставлена звуковая пропаганда. Противник был приучен к звукопередачам. Если поначалу он встречал их огнем, то постепенно стал уменьшать его и затем вообще не вел. Пленные свидетельствовали, что солдаты настолько привыкли к передачам, что ждали их (не в последнюю очередь потому, что во время них выступали перед своими бывшими сослуживцами военнопленные румыны). О значительном влиянии звуковой пропаганды

свидетельствовал румынский капитан Ф. Букур, командир 8-й роты 90-го пп 18-й пехотной дивизии: «10 ноября я прибыл на передовую с маршевым батальоном. По прибытии “старики” нам рассказывали о передачах через мегафоны, о листовках. Старые солдаты, видимо, сильно увлекались этим. Это сказалось и на моих рекрутах» [8, л. 239]. Через 11 дней, на второй день после начала наступления Красной армии на Сталинградском фронте, эти рекруты заставили капитана сдать в плен свою роту без сопротивления. На втором месте находилась печатная пропаганда. В указанный период для румын было издано 1 200 000 листовок. В большинстве из них разворачивалась устрашающая пропаганда, наиболее доходчивая и действенная по отношению к румынскому солдату. Ее основной посыл был такой же, что и в звукопередачах: «Глупо умирать за интересы немцев. Отсюда никто не уйдет живым. Вы погибнете в холодной степи. Ваши семьи страдают, лишившись кормильцев, они тоже погибнут».

Основное содержание всей пропаганды строилось на противопоставлении румын немцам. Румын убеждали, что им будет хорошо в плену, выпускали специальные удостоверения для тех солдат, кто добровольно сдается. Это сработало: во время начавшегося наступления сотни румынских солдат шли в плен, предъявляя удостоверения, а те, у кого оказалось несколько удостоверений, продавали лишние экземпляры товарищам по высокой цене. До начала наступления подчиненным полковника С.И. Тюльпанова удалось политически разложить значительную часть румынских солдат, психологически подготовить их к мысли о бесполозности борьбы, создать предпосылки для значительного падения после первых ударов боеспособности всего 6-го ак и ряда других частей. В первые же дни наступления среди вражеских солдат появилось много агитаторов, призывавших сдаваться в плен, причем они настаивали на групповой сдаче как более безопасной и повторяли аргументы в пользу нее, приводимые в советских листовках. Они отправлялись обратно за новыми пленными. Случалось, что румынские солдаты, подходя к советским позициям, кричали: «Идут свои, румыны» [8, л. 237–241; 9, с. 215].

20 ноября 1942 г. 51-я и 57-я армии Сталинградского фронта перешли в наступление. Противостоящие румынские дивизии были разгромлены, попытка немецкой 29-й мд сдержать продвижение советских войск потерпела неудачу, фронт был прорван. В первый же день противник потерял свыше 2 тыс. человек убитыми и более 1,5 тыс. были взяты в плен. В прорыв были введены подвижные соединения, которые 23 ноября соединились с частями Юго-Западного фронта в районе Калача; 6-я полевая армия, часть 4-й танковой армии и две румынские дивизии попали в окружение под Сталинградом. По словам генерал-фельдмаршала Э. фон Манштейна, назначенного 21 февраля 1942 г. командующим вновь созданной группы армий «Дон», «румыны были отчасти отброшены в Сталинград, отчасти уничтожены, отчасти исчезли» [10, с. 335]. Войсками Сталинградского фронта было взято более 10 тыс.

пленных и захвачены богатые трофеи; перегруппировавшись, армии указанного фронта перешли в наступление с целью уничтожения окруженной группировки. Однако 12 декабря начал наступление (операцию «Винтергевиттер») и противник: группа армий «Дон» устремилась к Сталинграду с целью деблокады 6-й армии. Армейская группа «Гот», наступая от Котельниково, прорвала оборону 51-й армии, но была остановлена на р. Мышкова войсками 2-й гв. армии, а затем отброшена на исходный рубеж. Войска Сталинградского фронта вместе с Донским фронтом продолжили боевые действия, направленные на уничтожение окруженной группировки противника [5, л. 70–73, 84, 92; 6, с. 352, 427; 7, с. 72].

На описанном этапе характер работы 7-го отдела политуправления Сталинградского фронта серьезно изменился. Основная задача теперь состояла в советской пропаганде среди солдат австрийского происхождения из состава окруженных в Сталинграде соединений и остатков румынских частей; правда, их было сравнительно немного и они располагались не на главных участках фронта. Сложнее было с немецкими дивизиями. Главное, что тормозило падение морально-политической устойчивости немецких войск, была вера их солдат и руководителей в помощь извне. Почти до самого конца сталинградской эпопеи эта вера поддерживала во врагах уверенность в их освобождении. Особенно усилилась надежда на освобождение с наступлением Э. фон Манштейна: в Сталинграде был слышен гром орудий в тылу советских войск (противник был остановлен в 35 км от города). Поэтому главная задача заключалась в том, чтобы лишить немцев надежды на прорыв окружения. Другой особенностью, связанной с обстановкой осажденного города, было воздействие не только на передний край, но и на всю глубину окруженной группировки. Седьмой отдел выпускал листовки и обращения, адресованные конкретным формированиям противника (начиная от дивизий и кончая ротами). Конкретизация достигалась благодаря широкому использованию пленных, при содействии которых становились известны все события внутри вражеских частей (эта информация немедленно задействовалась в пропаганде). Особой популярностью пользовалась листовка за подписью командующих Сталинградским и Донским фронтами генерал-полковника А.И. Еременко и генерал-лейтенанта К.К. Рокоссовского, обращавшихся к воинской чести немецких солдат и офицеров и указывавших, что сдача в плен в безвыходном положении не является позором для солдата и что история знает много аналогичных случаев. Листовка производила большое впечатление; убеждали спокойный и уверенный тон и официальные подписи [8, л. 243–245].

Выпуск указанного необычного обращения был связан с приездом на Сталинградский фронт группы работников Главного политического управления Красной армии во главе с начальником 7-го отдела полковником М.И. Бурцевым. Инициатором поездки явился начальник ГлавПУРККА А.С. Щербаков, решивший, что необходимо сконцентрировать максимум пропагандистских сил и средств на окруженной под Сталинградом немецкой группировке с целью склонить войска противника к капитуляции.

Для достижения этой цели требовалось принять во внимание распространенные в вермахте понятия о солдатской чести. 28 ноября М.И. Бурцев с группой сотрудников встретился с С.И. Тюльпановым; по воспоминаниям первого, «из довольно подробной и, как вскоре убедились, объективной информации мы поняли, что если работа по деморализации 18-й и 20-й дивизий 4-й румынской армии проходила более или менее успешно, то немецкие войска труднее поддаются нашему воздействию» [11, с. 126–128]. Оперативно были сделаны соответствующие выводы, и 30 ноября вышло обращение двух командующих фронтами, в котором после точной информации о потерях немецких войск приводились аргументы за сдачу в плен, не противоречившие представлениям германских солдат и офицеров о клятве верности и законах чести: «Немецкий солдат, сдающийся в плен в безнадежном положении, совершает не поступок позора, а акт благоразумия... Тот, кто сдается, перестает быть врагом... У вас есть выбор: жизнь или бессмысленная смерть!» [11, с. 130; 12, с. 593–594]. После этого количество перебежчиков заметно увеличилось, появились случаи организованной сдачи в плен взводами и ротами. Это вызвало серьезную обеспокоенность немецкого командования, о чем свидетельствовал приказ командира 376-й пд генерал-лейтенанта А. фон Даниэльса, отданный командиру 672-го пп той же дивизии, от 6 декабря 1942 г. № 1027 (копия приказа была захвачена 9 декабря 1942 г. (взята из сбитого транспортного самолета Ю-52, в котором находились 29 офицеров 376-й пд)). «Мне сообщают, – писал генерал Даниэльс, – что в подчиненных вам частях советская листовка, озаглавленная “К окруженным под Сталинградом немецким частям”, подписанная командующим Сталинградским фронтом генерал-полковником Еременко и командующим Донским фронтом генерал-лейтенантом Рокоссовским, вызвала у солдат и офицеров склонность к капитуляции, поскольку создавшееся положение расценивается как безнадежное. Далее до меня дошли слухи о случаях отказа повиноваться командирам во время атак, о переходе солдат на сторону врага, особенно группами, об открытом выступлении солдат за прекращение борьбы и сдачу в плен. Приказываю всеми имеющимися в вашем распоряжении средствами, включая показательные расстрелы, прекратить всякое упоминание о капитуляции со стороны солдат и офицеров. Всем офицерам и солдатам надлежит еще раз указать на необходимость безусловного выполнения приказа фюрера о том, что немецкий солдат должен погибнуть, если он сдал пост. Все части до последнего человека должны быть введены в бой» [6, с. 433–434]. Этот приказ незамедлительно был использован в целях пропаганды путем клиширования в очередной листовке [11, с. 138–139]. А 28 декабря 1942 г., когда деблокирующая армейская группа Гота была отброшена от Сталинграда, оба командующих фронтами еще раз обратились к окруженным немецким солдатам и офицерам: «Вы надеялись на помощь войск, поспешно собранных Гитлером севернее Котельниково, но и эти немецкие войска нами разбиты!.. Вы надеялись на то, что вам поможет транспортная авиация... Но и эти ваши надежды...

рухнули... Все ваши надежды на выход из котла окончательно лопнули... Вы можете спасти себя и ваших солдат, давшись в плен. Вы не смеете гнать на смерть немецких солдат, окруженных в Сталинграде. Подумайте о том: если вы не сдадитесь в плен, тогда вся ответственность за гибель десятков тысяч солдат падет на вас!.. Кто не сдастся в плен сейчас, тот не может рассчитывать на снисхождение, тот будет уничтожен нашими войсками. Того ждет только одна судьба: смерть в ближайшие дни! Сдавайтесь в плен, пока еще не поздно!» [11, с. 147].

Не менее эффективной во время уличных боев в Сталинграде была устная пропаганда. Живой голос диктора производил большое впечатление на немецких солдат, проводивших большую часть времени под землей, в подвалах и канализационных трубах. Круглосуточно неделю за неделей из громкоговорителей доносилась фраза «Stalingrad – Massengrab» («Сталинград – братская могила»), которая в сочетании со стуком метронома и упоминанием о гибели одного немецкого солдата окруженной группировки через каждые 7 секунд, по свидетельству пленных, буквально сводила с ума [8, л. 246; 13, с. 142]. Об интенсивности устной пропаганды свидетельствует такой факт: 28 ноября 1942 г. на участке 13-й гв. сд (62-я армия) за одну ночь было проведено 29 звукопередач, а всего в полосе 62-й армии количество звукопередач достигало 50 в сутки. Когда на одной из улиц началась передача сообщения о разгроме группировки Манштейна, стрельба мгновенно прекратилась, затем со стороны противника раздались крики «Повторите!»; передача была продублирована в мертвой тишине [8, л. 247].

Основное содержание и устной, и печатной пропаганды составляли повторение тезиса «Помощи не будет» и разъяснение гарантий плена. Для окруженных в Сталинграде немецких солдат издавался информационный бюллетень «Последние известия», который сочетал в себе достоинства листовки в плане оперативности и газеты – содержания. Всего было выпущено 17 номеров. Материал состоял из сообщений о положении в Сталинграде, все более увеличивающихся потерях, разгроме группы Манштейна, провале попыток снабжения окруженных с помощью транспортной авиации, росте недовольства, увеличивающемся количестве перебежчиков и др. В этом бюллетене не было лозунгов и призывов: воздействие должны были оказывать только факты, которые солдаты и офицеры противника не могли бы опровергнуть.

Обратная засылка пленных была использована для выполнения пропагандистской задачи – развеять надежды на помощь. Был применен интересный прием: 13 пленных из группировки Манштейна были заброшены в Сталинград, в кольцо окружения. Они должны были явиться живыми свидетелями разгрома войск деблокирующей группировки и своим присутствием продемонстрировать беспочвенность иллюзий насчет возможности прорыва указанного кольца. Одновременно эти солдаты показывали, что советский плен безопасен, поскольку были отпущены (обратная засылка пленных также практиковалась в отношении румынского 6-го ак). Все

пленные вернулись обратно, приведя с собой сотни солдат, а после выступления по громкоговорителю пленного румынского капитана Видригинеску в плен в полном составе сдался пехотный батальон во главе с командованием [8, л. 247–249].

Работа 7-го отдела политуправления Сталинского фронта по разложению окруженной в Сталинграде группировки продолжалась до начала января 1943 г. Определенные результаты были достигнуты; и все же солдаты и офицеры вермахта для советской пропаганды на том этапе оставались твердым орешком. «Опыт работы по политическому разложению немецких дивизий, окруженных в Сталинграде, показал степень идейной устойчивости немцев, их преданность нацистскому режиму, связывание ими интересов собственных и своей семьи с интересами и целями фашистского государства, – делился своими впечатлениями начальник фронтового 7-го отдела полковник С.И. Тюльпанов в донесении начальнику 7-го отдела ГлавПУРККА М.И. Бурцеву. – Все немцы развращены фашизмом. Это поколение, воспитанное на идеологии грабежа других народов, “праве” немцев на захват чужих территорий, уверенное в правильности политики фашизма, направленной на осуществление этих преступных целей» [8, л. 250–251].

30 декабря 1942 г. приказом Ставки ВГК № 170720 Сталинградский фронт ликвидировался (с 1 января 1943 г.), 57-я, 64-я и 62-я армии передавались в состав Донского фронта, а 2-я гв, 51-я и 28-я армии – в состав вновь созданного Южного фронта, перед которым была поставлена задача разгрома противника на ростовском направлении (Ростовская наступательная операция). Войскам Южного фронта первоначально предстояло наступать в направлении Шахты – Новочеркасск – Тихорецкая; противник отходил медленно, с боями, оказывая сильное сопротивление [1, л. 11–14; 3, с. 476; 6, с. 426]. За две недели боев советские войска продвинулись на 150–200 км и вышли в излучину Дона при впадении в него Маныча. Тем временем вражеское командование отводило войска группы армий «А» с Северного Кавказа: 17-я армия отходила на Кубань, 1-я танковая – на Ростов. 14 января 1943 г. генерал-полковник А.И. Еременко в приказе № 006 о/п поставил перед своими войсками новую задачу: «Противник выводит свои войска с Северного Кавказа, прикрывая этот отвод упорной обороной пролетарско-сальского направления. Во исполнение указаний Ставки Верховного Главнокомандования, основной задачей для войск Южного фронта ставлю выход на рубеж Шахты, Новочеркасск, Ростов, Батайск, отрезать пути отхода войскам противника с Северного Кавказа и во взаимодействии с войсками Закавказского фронта уничтожить кавказскую группировку противника, не допустить ее выхода к р. Дон» [1, л. 73; 14, с. 263–264]. Врагу все же удалось осуществить свои замысел и отойти; тем не менее войсками Южного фронта 7 февраля 1943 г. был освобожден Батайск, 14 февраля – Ростов [15, л. 71; 10, с. 456; 16]. К 18 февраля 1943 г. советские части достигли рубежа р. Миус; здесь, опираясь на укрепления 1941–1942 гг., противник оказал ожесточенное сопротивление.

Последующие попытки продвинуться вперед не имели успеха, и линия фронта стабилизировалась в этом районе до конца лета 1943 г. [10, с. 472; 17, л. 78–91; 18, л. 50–52; 19, с. 116; 20, с. 124–126; 21, с. 507–508].

В течение периода наступления Южного фронта главное содержание пропаганды определялось сводками Совинформбюро, которые оперативно, в тот же или на следующий день, доводились до противника, подрывая его моральную устойчивость, сея нервозность и панику. Другим эффективным средством разложения вражеских частей было систематическое упоминание об участии немецких войск, окруженных в Сталинграде, причем подчеркивалось, что только тот спасся, кто сложил оружие. Требовалось учитывать перемены в составе противостоящих частей неприятеля. Неожиданное поражение войск генерал-полковника Ф. Паулуса под Сталинградом вынудило немецкое командование спешно формировать всевозможные эрзац-соединения из отпусковников, солдат тыловых частей, использовать технические подразделения в качестве пехотных, создавать и бросать в бой авиаполевые и охранные дивизии. Использование этих случайных формирований в боях отмечалось в листовках как свидетельство истощения людских ресурсов немецкой армии [8, л. 252].

В политуправлении Южного фронта тщательно изучали противостоящие соединения противника и составляли на их подробные характеристики. Например, 336-й пд командовал генерал-майор В. Лухт. Дивизия была набрана из немцев Восточной Пруссии, Средней Германии и Судет (пруссаки держали себя высокомерно по отношению к судетским немцам). Она понесла большие потери, за октябрь 1942 – февраль 1943 гг. получила до 4 тыс. человек пополнения. В период отступления имелись большие трудности с питанием, было много случаев обморожения. Старые солдаты переставали верить в близкое окончание войны и начинали сомневаться в возможности победить Россию; молодые же были убеждены, что Германия, несмотря на трудности, войну выиграет. Ефрейтор 4-й роты 685-го пп, 35 лет, бывший рабочий-текстильщик Иосиф Пач заявил на допросе: «Солдатам война надоела. Особенно это относится к пожилым людям. Мы привыкли работать, а не воевать. Это молодые хотят войны. Они лентяи и не хотят трудиться». 14 февраля 1943 г. солдат этой дивизии Гейнц Хаазе заявил на допросе, что ненавидит гитлеровский режим и желает против него бороться. Он укрылся в Новочеркасске у знакомого профессора (по адресу ул. Почтовая, д. 103) и при подходе частей Красной армии добровольно сдался в плен (Новочеркасск был освобожден войсками Южного фронта 13 февраля 1943 г.). 17 февраля 1943 г. в районе Новой Спасовки сдался в плен Герберт Пейтла, командир 3-й роты 1-го батальона 686-го пп 336-й пд, причем не один, а вместе с 32 солдатами своей роты. Переводчик штаба 3-го батальона 685-го пп тоже сдался в плен вместе с 20 солдатами батальона. По сдающимся в плен соседнее немецкое подразделение открыло огонь. В результате 5 человек было убито и несколько ранено. На допросе пленный сказал: «Из этой проклятой России никто живым не уйдет. Подумать только, я служу здесь всего три

недели, а в роте из 160 человек осталось в живых 35. Все мы здесь подохнем собачьей смертью» [8, л. 295].

294-я пд (командир – генерал-майор Й. Блок) была сформирована в 1940 г. из резервистов Верхней Силезии и Саксонии. Вела бои северо-западнее Сталинграда, после окружения 6-й армии отходила на Северский Донец и затем на Миус, потеряла половину состава, в ротах осталось по 30–40 человек. В составе дивизии имелись казаки – изменники Родины. Военнопленный 2-й роты 513-го пп ефрейтор Иоганн Мюнх на допросе 7 февраля 1943 г. сказал: «Видно, плохи наши дела, если приходится русских казаков допускать в германскую армию. Солдаты очень устали от войны. Некоторые из них вслух выражают мысли о том, что придется всем погибать в России. Пожилые солдаты не имеют желания воевать. Молодежь на отдыхе ведет себя воинственно, а как только попадут на линию фронта – раскисают». Офицеры поднимали воинский дух, доказывая солдатам, что трудно будет только до апреля месяца, после чего обстановка должна измениться к лучшему. В обороне на Миусе кое-что действительно стало меняться. Например, улучшилось питание: солдат на день получал 600 г хлеба, 50 г масла, 120 г колбасы или сыра, 100 г шоколада или 4 куска кекса, 6 сигарет, литр супа с мясом и овощами, два раза в день кофе или чай. 384-я пд (командир – полковник Г. Дёрр) была вновь сформирована взамен дивизии того же номера, уничтоженной в Сталинграде. Комплектовалась за счет маршевых батальонов, в составе которых были выздоравливающие, возвращающиеся из отпусков, а также вновь призванные из категорий, которые ранее имели бронь. Настроение офицерского состава было довольно приподнятое; офицеры были уверены в скором новом стратегическом наступлении Германии, которое решит исход войны в ее пользу. Среди солдат в связи с поражением под Сталинградом распространялось мнение о том, что война скоро закончится с ничейным результатом, Германия придет к соглашению с Россией и заключит мирный договор. 79-й пд командовал генерал-лейтенант Л. фон Шверин-Крозинг, ранее командовавший дивизией того же номера под Сталинградом. Старая дивизия была разгромлена, но штаб был эвакуирован на самолетах в Новочеркасск, где формировалась новая 79-я пд из отпусковников, выздоравливающих, тыловиков, солдат разбитых частей и части личного состава расформированной 403-й охранной дивизии. Пленные из состава этой дивизии показывали: «Если мы отступаем, значит, стали слабы. Наше отступление – это продолжение сталинградской трагедии. Не хватает людей, танков. Как можно воевать и наступать, когда генерал бежит из-под Сталинграда, собирает солдат из разных частей и с такими войсками пытается обороняться против наступающих частей Красной армии. Мы боимся русских танков и при виде их многие немецкие солдаты кричат “Капут!”»; «наступление немецкой армии, возможно, будет, но не на больших участках фронта»; «мы ждем, что Сталин и Гитлер встретятся за круглым столом и заключат договор о мире»; «настроение солдат очень плохое, ибо все уже пресытились войной и хотят домой» [8, л. 296–297].

454-я охранная дивизия формировалась на территории Польши. Несла полицейскую службу по охране военных объектов, складов, мостов, станций и т. п. Личный состав – немцы в возрасте 35–40 лет. Дивизия пополнялась за счет коллаборационистов-украинцев. В связи с отступлением морально-политическое состояние людей в дивизии ухудшилось. Военнопленный вахмистр Гюнтер, захваченный 18 февраля 1943 г., показал: «Солдаты сыты войной по горло, устали, нуждаются в отдыхе и хотят скорейшего прекращения войны». В составе 444-й охранной дивизии были солдаты из полицейских частей, старших возрастов; также имелись казаки – изменники Родины. О настроениях, царивших в дивизии, свидетельствовали показания пленных: «Всех нас ожидает здесь гибель, а Германию поражения»; «Россия слишком сильна, а Америка производит слишком много военных материалов». 7-я авиаполевая дивизия была сформирована из солдат, обучавшихся в авиашколах, служивших в военно-воздушных частях связи, аэродромных батальонов. В первых же боях в конце декабря 1942 г. понесла большие потери – от 1-го и 2-го батальонов осталось не больше двух рот. В 11-й роте из 110 человек выжили не более 15. Из остатков дивизии была сформирована боевая группа под командованием лейтенанта Эйтеля [8, л. 298–299].

Пестрый состав частей противника учитывался при проведении пропагандистской работы. Так, при 16-й моторизованной дивизии был сформирован туркестанский батальон; соответственно, специалистами 7-го отдела политуправления Южного фронта в листовках на татарском и русском языках излагалась идея, что изменники Родины (включая казаков) имеют возможность искупить свою вину. Солдат этих частей убеждали в том, что советской стороне известны все их имена, но в листовках назывались имена только тех, кто продался немцам. Указывалось, что их немецкие командиры бессильны что-либо предпринять, если они сами не захотят воевать. В результате немцы были вынуждены снять туркестанский батальон с фронта, так как большинство солдат перебежали на советскую сторону.

В этот период широко пропагандировался тезис, что наступил поворотный момент в ходе войны. Солдатам противника внушался страх перед окружением; листовки снабжались картами, показывавшими безысходность положения немецких частей. Их разобщенность и продолжавшееся отступление давали возможность усилить элементы дезинформации о положении немецких войск на всем южном участке советско-германского фронта. В результате противник, опасаясь окружения, в панике оставил ряд населенных пунктов (например, Батайск, где были захвачены крупные склады и эшелоны с боеприпасами). Листовки печатались по ночам и разбрасывались с самолетов в тот же день. Также резко участилось распространение листовок танковыми частями. Важной особенностью работы по разложению войск противника в период наступления, когда линия боевого соприкосновения быстро менялась, была политическая дезориентация ближайшего тыла вражеских частей. В связи с этим листовки распространялись не

только на переднем крае, но и в центральных узлах сопротивления и крупных городах. В результате отступающие немецкие части приходили в районы, которые были уже деморализованы как самим фактом отступления, так и советской пропагандой.

Показания пленных свидетельствовали о нервозности и признаках паники в немецком тылу. Так, в Шахтах (освобождены 12 февраля 1943 г.) после того, как было сброшено много листовок, началась поспешная эвакуация некоторых учреждений задолго до того, как немецкие власти отдали соответствующие распоряжения, что деморализовало солдат. Отмечались случаи, когда последние вели с местным населением разговоры резко пессимистического содержания. В районе Новочеркасска после сброса листовок разбежалась охрана одного из лагерей военнопленных, что дало возможность совершить побег. Задача усиления воздействия на тыл противника послужила основанием для выпуска листовок нового типа (сообщений Совинформбюро на немецком и русском языках одновременно в одной листовке). Издание таких листовок преследовало цель информировать немецких солдат о победах Красной армии, советских военнопленных, служивших в рядах вермахта, а также донести весть о скором освобождении до гражданского населения оккупированных районов. Эти листовки пользовались популярностью и не только тщательно хранились, но и продавались (например, в Батайске листовка с сообщением о продвижении Красной армии продавалась по цене от 10 до 30 руб.). Пропагандистское воздействие на полковые, дивизионные и армейские тылы, оперативные резервы имело важное значение, поэтому они буквально забрасывались листовками. Если речь шла о тыловых частях, то в листовках подчеркивали их необученность и неподготовленность. Когда происходило обращение к строевым частям, находящимся во 2-м эшелоне, продвигалась мысль о том, что их бросают в бой вопреки плану. И в том, и в другом случае акцент делался на том, что солдаты обречены на неизбежную гибель, если не сложат оружие. В связи с этим в листовках указывалось, что легче всего сдать в плен, спрятавшись у местных жителей в ожидании прихода частей Красной армии. Это была новая форма пропаганды плена, вполне оправдавшая себя, так как такой метод сдачи в плен получил определенное распространение (в Новочеркасске, Шахтах, Ростове и др.) [8, л. 254–256].

Еще одним новым моментом в пропаганде плена на этом этапе стало то, что убеждение велась сдержанно: не было обещаний всевозможных благ в плену, говорили более реалистично о работе в хороших производственных условиях и простой, но достаточной пище. В качестве примера данной аргументации приведем выдержки из листовки: «Смерть витает над всеми солдатами германской армии, вторгнувшимися в нашу страну. Вы обречены. Есть ли выход? Да. Этот выход – русский плен. Мы не думаем вас убеждать, что жизнь в плену более привлекательна, чем у себя дома, в своей семье, в мирное время. Переход в плен менее приятен, чем свадебное путешествие. Плен не курорт, и питание для пленных не готовится в первоклассном

ресторане, где и по сие время, несмотря на карточки, питаются те истинные хозяева Германии, которые послали вас на смерть. Но плен – это жизнь. Плен – это работа в безопасном тылу на заводах, в сельском хозяйстве, в строительстве. Плен – это мирная работа по своей специальности в обычных производственных условиях. Плен – это достаточно сытное, хотя и простое питание. Плен – это нормальное, человеческое, международным законом установленное и охраняемое отношение к военнопленному, которого мы с момента пленения не считаем больше своим врагом. Война окончится. Плен – это временное состояние, которое открывает перспективы жизни в своей стране, в кругу своей семьи. 300 тысяч немецких солдат и офицеров, взятых в плен только за зиму 1942–1943 гг., лучше всяких слов подтверждают правду о советском плене. Данная листовка служит пропагандой на сторону Красной армии» [8, л. 257–258].

Опыт, полученный во время наступления, показал, что в армейских отделениях следовало завести походные типографии, а дивизии могли сами выпускать оперативные листовки на ротаторе. В отсутствие необходимой аппаратуры пропагандистам приходилось прибегать к неожиданным методам. Так, инструктор 33-й гв. сд (2-я гв. армия) лейтенант Жуйборода с помощью организованного им актива распространил в период наступления более 3 000 листовок, написанных от руки; многие из них были обнаружены у пленных [8, л. 271].

В феврале 1943 г. 7-й отдел политуправления Южного фронта опробовал такую новую форму работы, как анкетирование немецких военнопленных солдат и офицеров. Из ответов анонимной анкеты стало очевидно, что большинство немецких солдат хотят скорейшего окончания войны, развязанной Гитлером. В то же время ответы свидетельствовали о крепкой дисциплине в частях вермахта, которая поддерживалась не только принуждением и устрашением, но и мерами убеждения – напоминаниями о присяге, верности родине и фюреру. Среди причин, удерживавших немецких солдат от сдачи в плен, назывались страх расстрела, плохого обращения, голода, холода, ссылки в Сибирь и отсутствие перспектив возвращения на родину после войны. По отношению к оценке Гитлера мнения пленных отличались противоречивостью: одни и те же лица писали, что он принес немцам войну, горе, страдание, и в то же время упоминали, что фюрер ликвидировал безработицу, дал людям хлеб и работу. «Несмотря на все это, – заключал автор донесения полковник С.И. Тюльпанов, – нужно сказать, что немецкий солдат

1943 г. не считает себя больше победителем всей вселенной, что его грызет червь сомнения, неверия в свои силы. Наша задача – как можно скорее всеми средствами пропаганды ускорить процесс начавшегося разложения» [22, с. 45–46].

Выводы

Подытоживая, можно сказать, что политуправлением Сталинградского, а затем Южного фронта в период октября 1942 – февраля 1943 г. была проведена большая работа по разложению войск противника, о чем свидетельствуют приводимые далее цифры. Меньше чем за пять месяцев было издано листовок: 1 октября – 24 ноября 1942 г.: 5 335 050 (2 296 300 – ГлавПУРККА, 2 795 250 – 7-й отдел, 243 500 – армейские отделения), распространено в среднем в день 97800; 24 ноября 1942 – 5 января 1943 г.: 7 807 500 (ГлавПУРККА – 4 948 500, 7-й отдел – 2 607 500, армейские отделения – 251 500), распространено в среднем в день 194 500; 5 января – 20 февраля 1943 г.: 2 425 500 (ГлавПУРККА – 988 000, 7-й отдел – 886 000, армейские отделения – 551 500), распространено в среднем в день 54 000. Типы листовок, изданные 7-м отделом и армейскими отделениями: обращенные к конкретным частям противника (1-й этап – 59 (41,5 %), 2-й этап – 70 (61 %), 3-й этап – 33 (32 %)); листовки, изданные на материале фронта и армий (31 (22 %), 18 (16 %) и 26 (25 %)); листовки общеполитического характера (52 (36,5 %), 26 (23 %) и 45 (43 %)). Количество проведенных звукопередач по периодам равнялось: МГУ и ЗВС – 36, 22 и 13; ОГУ и ПГУ – 85, 45, 20; рупоры – 268, 180, 149; всего 818. Количество опрошенных политуправлением пленных по периодам было равно 200, 190 и 363 соответственно, использовано для выступления в звукопередачах – 47, 43, 26 соответственно, для обращения к солдатам противника в листовках – 57, 38, 31 соответственно. В непосредственном подчинении у полковника С.И. Тюльпанова было порядка 15 офицеров – старших инструкторов, инструкторов-литераторов, переводчиков, художников и печатников, а в армейских отделениях, включая старших инструкторов полтотделов дивизий, – от 6 до 10 человек, следовательно, масштабы сделанного ими трудно переоценить. Таким образом, каждый на своем посту приближали они общую Победу [8, с. 277–279, 300–301].

Конфликт интересов

Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Библиографический список

1. Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО). Ф. 64. Оп. 505. Д. 91.
2. Еременко А.И. Годы возмездия. 1943–1945. М. : Финансы и статистика, 1985. 424 с.
3. Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5–2). М. : ТЕРРА, 1996. 624 с.
4. Баранов В.П. Вклад специальной пропаганды в разгром вражеских группировок. Клуб военачальников РФ. 2024. 8 июля. URL: <https://kvrf.org/vklad-spetsialnoj-propagandy-v-razgrom-vrazheskih-gruppirovok> (дата обращения: 16.02.2026).
5. ЦАМО. Ф. 48. Оп. 451. Д. 98.
6. Еременко А.И. Сталинград. М. : Воениздат, 1961. 504 с.
7. Дёрр Г. Поход на Сталинград. М. : Воениздат, 1957. 140 с.

8. ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 229.
9. Епифанов А.Е., Красноженова Е.Е., Кулик С.В. Деятельность органов советской пропаганды по деморализации войск вермахта и его союзников в завершающий период Сталинградской битвы // Вопросы истории. 2020. № 4. С. 215–222.
10. Манштейн Э. Утерянные победы. М. : АСТ, 1999. 896 с.
11. Бурцев М.И. Прозрение. М. : Воениздат, 1981. 320 с.
12. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 11. Политика и стратегия Победы: стратегическое руководство страной и вооруженными силами СССР в годы войны. М. : Кучково поле, 2015. 1058 с.
13. Набиев Р.Ф. Спецпропаганда в Сталинграде (август 1942 – февраль 1943) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 1. С. 138–145.
14. Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). М. : ТЕРРА, 1999. 360 с.
15. ЦАМО. Ф. 11316. Оп. 1. Д. 4.
16. Освобождение городов: Справочник по освобождению городов в период Великой Отечественной войны 1941–1945. М. : Воениздат, 1985. 598 с.
17. ЦАМО. Ф. 64. Оп. 505. Д. 112.
18. ЦАМО. Ф. 303. Оп. 4005. Д. 88.
19. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945 гг. : в 6 т. Т. 3. М. : Воениздат, 1961. 664 с.
20. Жирохов М.А. Битва за Донбасс. Миус-фронт. 1941–1943. М. : Центрполиграф, 2011. 352 с.
21. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 3. Битвы и сражения, изменившие ход войны. М. : Кучково поле, 2012. 864 с.
22. Великая Отечественная война. 1941–1945. Документы и материалы. Том II. Информационное противоборство в годы войны. М. : ПОЛИГРАФ-СЕРВИС, 2014. 354 с.

References

1. *Central'nyj arhiv Ministerstva oborony RF* [Central Archives of the Ministry of Defense of the Russian Federation (hereinafter referred to as TsAMO)]. F. 64. Op. 505. D. 91.
2. Eremenko, A.I. (1985) *Gody' vozmezdiya. 1943–1945* [Years of Retribution. 1943–1945]. Moscow, Finansy` i statistika Publ. 424 p. (In Russian)
3. *Russkiy arkhiv: Velikaya Otechestvennaya: Stavka V GK. Dokumenty i materialy 1944–1945. T. 16 (5–2)* (1996) [Russian archive: Great Patriotic War: Supreme Command Headquarters. Documents and materials. 1943]. Vol. 16 (5–3). Moscow, Terra Publ. 624 p. (In Russian)
4. Baranov, V.P. (2024) *Vklad spetsial'noj propagandy` v razgrom vrazheskikh gruppirovok. Klub voenachal'nikov RF* [The contribution of special propaganda to the defeat of enemy groups. The Club of Military Leaders of the Russian Federation]. 8 iyulya. Available from: <https://kvrf.org/vklad-spetsialnoj-propagandy-v-razgrom-vrazheskih-gruppirovok> [Accessed February 16, 2026]. (In Russian)
5. TsAMO. F. 48. Op. 451. D. 98.
6. Eremenko, A.I. (1961) *Stalingrad* [Stalingrad]. Moscow, Voenizdat Publ. 504 p. (In Russian)
7. Doerr, H. (1957) *Pokhod na Stalingrad* [The March on Stalingrad]. Moscow, Voenizdat Publ. 140 p. (In Russian)
8. TsAMO. F. 32. Op. 11306. D. 229.
9. Epifanov, A.E., Krasnozhenova, E.E., Kulik, S.V. (2020) *Deyatel'nost` organov sovetskoj propagandy` po demoralizacii vojsk vermakhta i ego soyuznikov v zavershayushhij period Stalingradskoj bitvy`* [The activities of Soviet propaganda agencies to demoralize the troops of the Wehrmacht and its allies during the final period of the Battle of Stalingrad]. *Voprosy` istorii.* (4), 215–222. (In Russian)
10. Manstein, E. (1999) *Uteryanny`e pobedy`* [Lost Victories]. Moscow, АСТ Publ. 896 p. (In Russian)
11. Burcev, M.I. (1981) *Prozrenie* [Insight]. Moscow, Voenizdat Publ. 320 p. (In Russian)
12. *Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 godov. V 12 t. T. 11. Politika i strategija Pobedy: strategicheskoe rukovodstvo stranoy i Vooruzhennymi silami SSSR v gody vojny* (2015) [The Great Patriotic War of 1941–1945. In 12 vols. Vol. 11. The victorious final. Politics and Strategy of Victory: Strategic Leadership of the Country and the Armed Forces of the USSR during the War]. Moscow, Kuchkovo pole Publ. 864 p. (In Russian)
13. Nabiev, R.F. (2017) *Speczpropaganda v Stalingrade (avgust 1942 – fevral` 1943)* [Special propaganda in Stalingrad (August 1942 – February 1943)]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii.* (1), 138–145. (In Russian)
14. *Russkiy arkhiv: Velikaya Otechestvennaya: Stavka V GK. Dokumenty i materialy 1944–1945. T. 16 (5–3)* (1999) [Russian archive: Great Patriotic War: Supreme Command Headquarters. Documents and materials. 1943]. Vol. 16 (5–3). Moscow, Terra Publ. 360 p. (In Russian)
15. TsAMO. F. 11316. Op. 1. D. 4.

16. *Osvobozhdenie gorodov: Spravochnik po osvobozhdeniyu gorodov v period Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945* (1985) [Liberation of Cities: A Handbook on the Liberation of Cities during the Great Patriotic War of 1941–1945]. Moscow, Voenizdat Publ. 598 p. (In Russian)
17. TsAMO. F. 64. Op. 505. D. 112.
18. TsAMO. F. 303. Op. 4005. D. 88.
20. *Istoriya Velikoi Otechestvennoi vojny Sovetskogo Soyuza. 1941–1945 g. (v 6 tomakh). T. 3* (1961) [History of the Great Patriotic War of the Soviet Union. 1941–1945 (in 6 volumes). Volume 3]. Moscow, Voenizdat Publ. 664 p. (In Russian)
20. Zhirokhov, M.A. *Bitva za Donbass. Mius-front. 1941–1943* (2011) [Battle for Donbass. Mius Front. 1941–1943]. Moscow, Cenztrpoligraf Publ. 352 p. (In Russian)
21. *Velikaja Otechestvennaja vojna 1941–1945 godov. V 12 t. T. 3. Bitvy i srazhenija, izmenivshie hod vojny* (2012) [The Great Patriotic War of 1941–1945. In 12 volumes. Volume 3. Battles and battles that changed the course of the war]. Moscow, Kuchkovo Pole Publ. 864 p. (In Russian)
22. *Velikaya Otechestvennaya voina. 1941–1945. Dokumenty i materialy. Tom II. Informatsionnoe protivoborstvo v gody vojny* (2004) [The Great Patriotic War. 1941–1945. Documents and materials. Volume II. Information resistance during the war]. Moscow, POLIGRAF-SERVIS Publ. 355 p. (In Russian)

Поступила в редакцию 19.01.2026

Подписана в печать 30.03.2026

Original article

UDC 94(47).084.8

DOI: 10.47438/2309-7078_2026_1_203

**SPECIAL PROPAGANDA IN DEFENSE AND OFFENSIVE:
ACTIVITIES OF THE POLITICAL DEPARTMENT OF THE STALINGRAD
AND SOUTHERN FRONTS TO DECOMPOSE ENEMY TROOPS,
OCTOBER 1942 – FEBRUARY 1943**

Vladislav A. Kononov¹

*Voronezh State Pedagogical University¹
Voronezh, Russia*

¹*Cand. Histor. Sci., Applicant of the Department of Russian History,
tel.: (473) 255-06-67, e-mail: vspihist@rambler.ru*

Abstract. This article examines documents from the Central Archives of the Ministry of Defense of the Russian Federation to examine the activities of special propaganda agencies on the Stalingrad Front, later renamed the Southern Front, from October 1942 to February 1943. The content, forms, and means of propaganda directed at enemy troops during successive periods of defense, counteroffensive, and offensive operations are examined. It is established that the work of special propaganda agencies during the Battle of Stalingrad and the Rostov Offensive Operation, despite the relatively small staffing levels of the 7th Department of the Political Directorate of the Stalingrad and Southern Fronts and army political departments, was effective and significant.

Key words: Great Patriotic War, Stalingrad Front, Southern Front, propaganda against enemy troops.

Cite as: Kononov, V.A. (2026) Special propaganda in defense and offensive: the activities of the Political Department of the Stalingrad and Southern Fronts to decompose enemy troops, October 1942 – February 1943. *Izvestia Voronezh State Pedagogical University*. (1), 203–211. (In Russ., abstract in Eng.). DOI: 10.47438/2309-7078_2026_1_203.

Received 19.01.2026

Accepted 30.03.2026